

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИЙ

Редакционно-издательская группа
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

**Представляет книги Данила Корецкого
в серии:
«Шпионы и все остальные»**

«Меч Немезиды»
«Кто не думает о последствиях»

«Похититель секретов»
«Бехеровка на аперитив»
«Эмблема с секретом»

«Оперативный псевдоним»
«Подставная фигура»
«Код возвращения»

«Секретные поручения»
«Секретные поручения-2»

«Перстень Иуды»
«Музейный артефакт»

«Татуированная кожа»
«Расписной»
«По следу черта»

«Когда взорвется газ»
«Джекпот для лоха»
«Менты не ангелы, но...»
«Привести в исполнение»
«Охота на охотника»
«Опер Крылов»
«Принцип карате»
«Пешка в большой игре»
«Антикиллер»
«Спасти посольство»
«По понятиям Лютого»
«Сандал» пахнет порохом»

«Рок-н-ролл под Кремлем» Кн. 5
(Освободить шпиона.)

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИЙ

РОК-Н-РОЛЛ
ПОД КРЕМЛЕМ • 5

ОСВОБОДИТЬ ШПИОНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Компьютерный дизайн обложки
Половцевой Яны

Корецкий, Данил.

К66 Рок-н-ролл под Кремлем. Книга 5: Освободить шпиона : роман /Данил Корецкий. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 448 с. — (Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-097474-0

Вот уже более пятидесяти лет глубоко под землей сторожит секретный бункер всеми забытый часовая. Но он четко помнит свое задание — взорвать объект при появлении посторонних: спецгруппа майора Синцова по кличке Леший вполне подходит под это определение. Удастся ли предотвратить взрыв? Какую роль сыграет бывший осужденный карлик Бруно?

Легендарное Хранилище с золотом наконец найдено. Но принесет ли оно Лешему и его бойцам счастье и удовлетворение?

А тем временем благодаря хитроумным агентам ЦРУ пожизненно осужденному шпиону Мигунову удалось бежать из колонии особого режима. Но все ли пойдет как по маслу и воплотится ли операция «Рок-н-ролл» в жизнь?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097474-0

© Корецкий Д. А., 2011
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Дирижер специальных операций

г. Заозерск. Гостиница «Центральная»

Она никогда не закрывала глаза во время секса — только жмурилась, как кошка, мурлыкала от удовольствия и время от времени дула себе на лицо, выпятив полную губу. И бесстыдно смотрела на партнера.

А в этот раз она вдруг рассмеялась. Коротко, будто всхлипнула.

— В чем дело? — спросил Грант.

Он остановился, навис над ней, тяжело дыша.

Со двора гостиницы долетел кашляющий звук автомобильного двигателя и мужские голоса — там двое постояльцев все утро пытаются завести свой старенький «москвич».

— Потом скажу, — проговорила Анна. — Давай...

— Что-то не так?

Она нетерпеливо тряхнула головой.

— Потом.

«Потом» наступило не сразу. Они долго не отпускали друг друга, мяли, рвали и мучили, а когда сил больше не осталось, долго лежали в сонном оцепенении. Когда пришли в себя, по очереди мылись в обшарпанной душевой с облупленным полом, на всякий случай подстилая под ноги гостиничное полотенце. Завтракали купленной в главном гастрономе Заозерска вареной колбасой с черствым хлебом и вялыми сморщенными яблоками. Курили, стряхивая пепел в гостиничную пепельницу в виде голой африканской женщины, держащей на ко-

леньях блюдо. И радовались, что пусть это самая задрипанная гостиница в мире (других в Заозерске просто нет), где в санузле бегают мокрицы, а белье серое и ветхое, зато это не палатка на вывале, не тайга с ее энцефалитными клещами, и главное — здесь нет фанатичного председателя комитета по изучению «Заозерского феномена» Арчибальда Гульвига. Светило метеоритологии сейчас, видно, рвет и мечет, узнав о том, что неизвестный ученому миру, но тем не менее включенный в международную экспедицию Сэмюэль Першинг со своей помощницей Мардж Коул плюнули на уникальный метеорит и самовольно устроили себе небольшой отпуск — «Заозерские каникулы».

— Так почему ты смеялась? — спросил, наконец, Грант.

Анна воткнула сигарету в огрызок яблока, лежавший между африканскими ляжками.

— У тебя лицо было такое... Как на совещании у Фоука.

— В смысле? — не понял он.

Она улыbnулась — тонкая, изящная молодая женщина, с мило просвечивающими через рубашку маленькими грудями. Один из самых хладнокровных агентов в Фирме. Исполнившая, между прочим, две ликвидации. Лично.

— В смысле, что ты даже в постели продолжаешь думать об операции, — сказала она без толики какой-то задней мысли или упрёка. — О технической защите периметра, об организации охраны. О вертолетах. О Мигунове.

— Ты полагаешь, я думал именно об этом? — спросил он, нахмурившись.

— Даже не сомневаюсь.

Грант ничего не сказал. Он-то думал, что во время секса думал о сексе. Но, в общем-то, Анна была права: он думал об операции день и ночь. В постели, в машине, в уборной, во время бритья, во время завтрака, обеда и ужина. Даже во сне он видел Мигунова, уносящегося в небо на грузовом тросе вертолета экспеди-

ции под аккомпанемент 20-го фортепианного концерта Моцарта... Все дело в том, что задача, которую он изначально считал пусть сложной, заковыристой, но вполне решаемой, пока что решаться никак не желала. Это был, конечно, не Дубай, не Лондон, не Рига и не Салоники, это даже не какой-нибудь «тюремный» остров в Тихом океане, где побережье забрано колючей сеткой, но зато всегда можно найти охочего до легких денег черномазого вертухая. Это Сибирь. Россия. Край зеков и лагерей. Воплощенное мировое зло, Сиблаг, укрытый снегами и мошкой. В городе сто тысяч жителей и законсервированный угольный карьер, безработица, социальная напряженность, даже приличной гостиницы нет...

И знаменитый лернеровский «ключ» ко всему этому хаосу никак не подбирался. Но Грант воспринимал временную неудачу как вызов судьбы, отступить он не мог. Хотя и плана наступления у него тоже не было.

— И что ты предлагаешь предпринять в этой связи? — особым тоном спросил он, приподняв голову Анны за подбородок и многозначительно взглядываясь ей в глаза. — У тебя есть какая-нибудь гениальная идея?

— Пойти и напиться, — промурлыкала она. — Завтра проваляться в постели до полудня. Лучше — до вечера. А на следующий день вернуться на вывал. Вот и все. За это время ты или что-нибудь придумаешь, или поймешь, что дело безнадежное. В последнем случае мы даже можем никуда не возвращаться, а сразу возьмем билеты до Иркутска и улетим через Москву в Вашингтон. Что тоже неплохо, согласись...

— Неплохо, — задумчиво повторил Грант, но без особой убежденности. У него еще не было безнадежных дел. Он надеялся, что и не будет.

* * *

В Заозерске два ресторана — «Рябинушка» и «Эдем». В первом окна были забраны изнутри испач-

канной краской и штукатурным раствором пленкой, а на дверях висело пожелтевшее от времени объявление «Ресторан по техническим причинам закрыт». Зато «Эдем» работал и, согласно своему названию, предлагал посетителям всевозможные соблазны от пива «Жигулевского» до фирменного обеденного комплекса «Сибирский папа». В зале почти не было посетителей, но Грант и Анна не стали садиться за столик и сразу направились к барной стойке.

— Две «Текилы санрайз», — попросил Грант.

Бармен в лиловой сорочке с любопытством взглянул на него.

— Текилы... Что?

— Санрайз, — повторил Грант. — «Текильный расцвет» в переводе.

— Впервые слышу, — признался бармен. — Это коктейль, наверное?

Грант взглянул на Анну. Девушка подняла брови и улыбнулась: чего в жизни не бывает!

— На самом деле у нас достаточно неплохой выбор коктейлей, — с достоинством объявил бармен, как-то по-своему истолковав их обмен взглядами. — «Кровавая Мэри», «Маргарита», «Снегурочка», «Эротика». А после того, как упал метеорит, мы придумали «Заозерский феномен»...

— А это еще что такое? — удивился Грант.

— Вот видите, вы даже не знали!.. Кедровая водка, шампанское и крепкий горячий чай с лимоном. Вся Сибирь сейчас пьет «Заозерский феномен»! Вы не местный, наверное? Хотите попробовать?

— Нет, спасибо. А с текилой есть что-нибудь?

— У нас не пьют текилу, гражданин, — бармен почему-то перешел на официальный тон. — Если хотите текилу, поезжайте в областной центр, в Иркутск. Или в Москву...

— А может, сразу в Мехико махнуть? — спросил Грант.

— Про Мехико не знаю, — осторожно ответил бармен, решив, видно, что это тоже какой-нибудь обла-

стной центр. — Но в Иркутске точно пьют все подряд. Олигархи, понимаете, денег куры не клюют...

— Наверное, полное моральное разложение? — предположил Грант.

— Полное, — подтвердил бармен.

— Я хочу попробовать вашу «Эротику», — сказала Анна, одарив бармена очаровательной улыбкой.

— Вам красненькую или синенькую? — буркнул тот.

Анна подумала и выбрала синенькую. Ей подали высокий бокал с жидкостью, по цвету напоминающей дезинфицирующий состав для унитазов. Себе Грант заказал чистой водки, а бармену, преодолев его незначительное сопротивление, — двойную порцию виски. Постепенно разговорились. Грант и Анна узнали, что так называемый метеорит, который ищут ученые, на самом деле никакой не метеорит, а американский спутник-шпион. Что вся эта команда, засевшая в тайге, сплошь агенты ЦРУ, которым поручено вывезти за пределы России остатки того самого спутника. Что это, может, даже не спутник, а управляемый космический корабль — поскольку некоторые местные жители видели, как при его падении кто-то катапультировался и раскрылся парашют. Что областное начальство, ожидая наплыва туристов, обещало расширить трассу Заозерск—Иркутск и достроить железнодорожную ветку до самого Чокурдаха, а вместо этого только подняло цены на газ и отопление. Что если честно, то в Иркутске все-таки есть одно приличное заведение, где и текила, и настоящий французский коньяк, и даже нормальный бармен есть, который хоть санрайз тебе сболтает, хоть черта в ступе — Вова его зовут, они когда-то вместе на курсах учились. Бар этот называется «Виктория», это сразу за областным судом, чуть левее пройти, ближе ко дворам как бы...

— На проспекте Ленина, знаете? — бармен, успевший захмелеть, мотнул головой. — «Ментовский кабак», как его еще зовут, там следяки с адвокатами пьют да проблемы свои «перетирают». Областной суд, это же серьезные

дела! Убийства, крупные кражи, экстремизм — расследуют их на местах, а потом со всей области подонков туда свозят! Вова такого там наслушался за стойкой, такого вам расскажет — вам на сто статей хватит!

— Каких еще статей? — Грант, задумавшийся было о чем-то своем, встрепенулся.

— Ну, этих! Вы же журналисты, как я понял, да?

Грант посмотрел на бармена, на Анну. Вид у него был отсутствующий, между бровями пролегла вертикальная складка — признак напряженной умственной работы. Он слез с высокого табурета и положил на стойку несколько банкнот.

— Да, мы журналисты, — пробормотал он. — Спасибо вам...

— За что? — усмехнулся бармен. — Вы ж и не пили почти. А я слышал, журналисты не дураки заложить за воротник.

— Абсолютно верно! — восхитилась его осведомленностью Анна, также покидая свой табурет. — Как точно вы определили! Но напиваемся мы обычно к вечеру, а сейчас только еще утро...

— Пей-пей, да меру имей, — серьезно провозгласил бармен. Он пересчитал деньги, которые дал Грант, и даже покраснел от удовольствия.

— А может, еще по стаканчику?

— Нет-нет, спасибо.

Выйдя на улицу, Грант сразу повернул в сторону гостиницы.

— В чем дело? — спросила Анна, едва поспевая за ним. — Тебе этот бармен показался подозрительным? Он что-то такое сказал, да?

— Да, — ответил Грант. — Сказал.

Он остановился, слегка приобнял Анну за плечи и пошел медленнее.

— Он сказал, что все у нас будет хорошо. И все получится. Для этого нам даже не обязательно напиваться вдрызг. И не нужно задействовать вертолет с диверсионной группой.

— Я не понимаю, — сказала Анна.

— Скоро поймешь, — сказал Грант. — Ключ операции уже у меня в голове. Идем в гостиницу, надо составить план и кое-кому позвонить...

* * *

Огненный Остров

ИК-13 особого режима для пожизненно осужденных

— ...Душить — это труднее всего, если за горло, — делился Блинов жизненным опытом. По обыкновению он использовал для этого последние минуты перед отбоем, когда сил уже нет, а шконку опускать еще нельзя. — Но и ей тоже больнее получается... Или ему, ежели мужик. Там костей нет, считай, одни только хрящи... Это, я считаю, спецом природой так задумано, чтобы человека защитить. Или, наоборот, мучения продлить, не знаю... Потому что если кость сломал, то оно сразу ясно становится — и на ощупь, и по звуку. Ну и дело с концом, значит, можно сматываться. А хрящ — он как труба гофрированная от пылесоса, видел такие? Сжимаешь его, давишь, уже собственные пальцы через горло чувствуешь, а там все еще жизнь есть, трепыхается, сука... А через сутки как есть оклемается в реанимации и против тебя показания давать начнет. Поэтому душить надо умеючи, с терпением...

Он уселся в углу камеры на корточках, свесил между колен длинные руки. На Мигунова, резко сдавшего за последнюю неделю — худого, с осунувшимся серо-зеленым лицом и красной каймой вокруг глаз, — он смотрел весело, с какой-то даже приветливостью. Ему нравилось мучить, нравилось настолько, что он даже проникался каким-то сочувствием к жертве, — наверное, в знак благодарности за доставленное удовольствие.

— Вот в кино показывают, как она, значит, трепыхается под руками, а потом как бы расслабляется —

типа все, отошла. А в жизни, скажу, все не так. В жизни все сложнее!.. Я вот одну стервозину в лесопарке тоже так обхаживал, чуть не спалился. Дождлся, когда голову откинёт, аж пальцы занемели. Отволок потом под елку, снегом присыпал и — ходу. Уже к дороге вышел, и будто кольнуло что-то под темя: оглянись, посмотри. Оглянулся — а сугроб-то шевелится! Рука в красной перчатке выпросталась оттуда, и такие движения, будто машет, машет мне. Ну, фильм ужасов чисто! Пришлось возвращаться, естественно. После этого я зеркальце какое-то время носил с собой, чтобы проверять — дышит, не дышит. Но недолго, с опытом потом все пришло... Я теперь лучше любого хирурга могу определить, сдох пациент или в нем еще хотя бы молекула одна трепыхается!

— Специалист... — хрипло произнес Мигунов. Он сидел напротив, тоже на корточках, потому что от бетонного пола тянуло пронизывающим холодом. И напряженно думал.

— Высшей категории спец! — радостно подхватил Блинов. — Топором, дубиной или там из пистоля, к примеру, — любой дурак может так человека кончить. Я не говорю уже о разных ядах и прочем, это для слабаков...

Он презрительно сплюнул на бетон, хотя это уж по всем понятиям было совсем запаadlo.

— Есть настоящие убийцы, вот как я, а есть говнюки!

Он выпятил грудь, приосанился.

— Таких, как я, по пальцам пересчитать можно! Даже здесь, в «Огненном», я один на тысячу человек! Элита!.. — Блинов рассмеялся. — Тебе бы радоваться, Америкос, что с тобой такой человек дело иметь будет! Удавлю так, что в учебниках напишут! Трахею на узел завяжу! Даже вырву для верности, зубами выдеру к ешкиной матери! Вот так!

Не переставая смеяться, он резко подался вперед, словно собираясь прыгнуть на Мигунова. Тот откинулся на стену, инстинктивно приподнял ногу, прижав колено к груди и выставив вперед напряженную

ступню. При этом скособочился и упал на ледяной пол. Блинов громко заржал.

— Не сразу, Америкос, не сразу! — приговаривал он, хлопая себя по ляжкам. — Не торопись! Я вот дождусь, когда ты спятишь со страху и недосыпу и сам еще меня попросишь, чтобы я тебя кончил без боли!..

В дверь туго ударила резиновая дубинка.

— Тихо! Отбой! Шконки опустить!

Блинов стрелой метнулся к своей шконке, отсоединил ее от стены, перевел в горизонтальное положение, демонстрируя рвение и уважение к режиму.

— А без боли никак не получится! — добавил он шепотом, укладываясь.

Тусклое освещение потускнело еще больше — переключили на ночной режим. Мигунов лег не раздеваясь. Молчали несколько минут, потом Блинов не выдержал, буркнул:

— Чего-то ты больно молчаливый сегодня, Америкос... Вести плохие с воли дошли? А? — Он приподнялся в кровати. — Я ж знаю, у тебя с журналисткой свиданка была сегодня. Из этой, как ее, со «Свободной Европы». Два дня ее мурыжили, не пускали, а сегодня вишь — пустили... Чего она сказала-то? Освободят тебя на этой неделе? Или наоборот — в расход пустят?.. А может, дома что не так? Жена за генерала вышла? Ребенок в наркоте ударился, а? Чего молчишь-то?

Мигунов стиснул зубы и прикрыл глаза. Он еще смеет лапать своими грязными клешнями его родных, этот подонок!.. Молчать. Молчать. Ни слова. Не думать. Не слушать.

— Так она тебя хоть утешила, журналистка эта? Небось засунула руку в штаны, погладила, потом оттаскала как следует, сил последних лишила?

Блинов тихо захихикал. Мигунов мял в пальцах одеяло, чтобы не вскочить, не ударить. Возможно, это последняя ночь, которую ему осталось провести в компании нелюдя. Надо терпеть.

— ...Я тебе так скажу, Америкос: как бы там ни сложилось, ты руки на себя не накладывай. Удавки там, электричество всякое... Брось. Доверь это дело профессионалам. Я тебя обслужу по высшему классу, еще спасибо мне скажешь... Ну, подумаешь — жена, ребенок. У тебя пацан, да? Или девка? Сколько ей — семнадцать уже исполнилось? Она самостоятельный человек, считай. Хочет — ширяется, хочет — дает кому попало, ты здесь ей уже не указ...

Блинов громко зевнул.

— Вот и рассуди, стоит из-за этого расстраиваться... или не стоит... Может, еще к хорошему человеку попадет... Вот, как я, например... Обслужу... на три пятнадцать... Ни одна вошь... Никто... Я сам...

Блинов пробормотал еще что-то и затих. Хотя это совсем не означало, что он уснул. Может, притаился, ждет. Мигунов тоже не шевелился, тоже ждал. В коридоре переговаривались охранники, снаружи доносился рокот дизель-генератора, в зарешеченное окно залетали яркие лучи прожекторов — это часовые на вышках «мониторят» территорию.

Сегодня он в самом деле встречался с журналисткой из «Свободной Европы». Двадцатипятилетняя девушка, высокая, длинноногая, с пачкой писем и ходатайств несколько дней атаковала начальника особорезимной колонии, чтобы взять у Мигунова короткое пятиминутное интервью. Зачем? В том-то и дело — зачем... В ее диктофоне имелся небольшой экран, меньше спичечного коробка. Обычный экран, как на всех цифровых диктофонах, где высвечивается таймер, время, уровень громкости и прочая ерунда. Но когда она поднесла диктофон к лицу Мигунова, он увидел там мелкий текст, наподобие SMS-сообщения. Охранник в это время стоял рядом, по правую руку от него, чуть впереди, и, наклонившись, увлеченно разглядывал плоскую бутылку виски, которую журналистка только что вручила ему в качестве презента. Мигунов поднял глаза и встретился с твердым пристальным взглядом девушки-ребенка (она в это время говорила

что-то, задавала вопрос, наверное). Да, и потом она еще спросила:

— Вы все поняли? Может, мне повторить еще раз?

В смысле, хорошо ли ему видно и может ли он прочесть то, что написано на экране.

Мигунов пробормотал:

— Все нормально, я все понял.

Он придвинулся поближе к диктофону, читал текст и одновременно тоже говорил что-то, как бы отвечая на вопрос. Текст на экране постепенно перемещался вверх, снизу выплывали все новые и новые строчки. Он волновался, боялся что-то пропустить, что-то не так понять, забыть. К тому же надо было поддерживать видимость разговора, чтобы охранник ничего не заподозрил. Пять минут пролетели быстро. Журналистка, он даже не запомнил, как ее зовут, убрала в сумку тетрадь и диктофон, в шутку пожаловалась охраннику, что ей не дали больше времени на интервью, а такое короткое не окупит и половины расходов на дорогу и прочее.

Охранник — тоже в шутку, наверное, — предложил взять интервью у него, что разом решит все ее финансовые затруднения. Она рассмеялась, попрощалась и вышла. На Мигунова даже не посмотрела. Его же опять поставили в лягушачью позу и отволокли обратно в камеру.

...До самого вечера он твердил про себя прочитанный на экране диктофона текст. Укладывал его в голове, привыкал, запоминал, думал... Хотя ничего особо сложного или непонятного в тексте не было.

Ему предписывалось, ни много ни мало, убить кого-нибудь из персонала колонии или заключенных. Тогда против него возбудят новое уголовное дело. На время следствия его переведут в СИЗО в Заозерск, а потом — в Иркутск, где находится областной суд, поскольку тяжкие преступления, включая убийства, являются подсудностью областного суда. Там, на следствии или в суде, организовать побег будет гораздо легче, чем здесь, в колонии. Таков был первый этап опе-